

Т Е Н Ь   Л О Г О В А

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ШАГИ
В ПУСТОТЕ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии *Д. Васильченко*
Редактор серии *В. Горюнова*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Шаги в пустоте / Юлия Лавряшина. — Москва:
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165771-0

Общее горе сближает следователя Артура Логова и Сашку, которая еще совсем недавно жила легко и беззаботно. Их жизни меняются, тесно переплетаясь друг с другом. Они решают отправиться в Крым, чтобы отвлечься и выполнить волю погибшей мамы Саши. Та еще не знает, что им снова предстоит столкнуться с жестоким убийцей, способным навредить даже самым родным людям. Смогут ли на этот раз Артур и Сашка справиться со злом или оно утянет их на дно Черного моря?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165771-0

© Лавряшина Ю., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

Собаку разбудил запах страха.

Приподняв голову, она принюхалась, потом заметила фигуры двоих людей, приближавшихся к скале, где она спряталась от жары под грубоватым каменным навесом. Издали трудно было различить, от кого из них исходил этот кислотоватый душок, так раздражающий животных. Но чего-то боялся только один из двоих, в этом можно было не сомневаться — запах был определенным, не смешивался с другим.

Если б источающий его человек шел в одиночку, она, возможно, залаяла бы на него, но собаку остановило присутствие другого. Тот ничего не боялся и что-то говорил на ходу... Голос был веселым и ласковым, дворняга прислушалась и часто задышала от радости: так мог бы разговаривать с ней хозяин, если б до сих пор был жив...

Люди скрылись за кустами, отделявшими покатую площадку на краю скалы, и собака тяжело опустила голову на лапы. Каждый раз воспоминания о хозяине отзывались тоской, от которой тянет завывать на луну. Только до ночи было еще далеко... Со-

бака закрыла глаза, громко вздохнула и тут же уснула, ведь боль уже стала привычной.

Сколько прошло времени до того момента, когда вновь донесся тот неприятный запах, собака знать не могла. Вскинув голову, она проследила, как человек бежит мимо, издавая какие-то странные звуки. Но теперь ее не потянуло погнаться за ним, хоть того, веселого, которого она никогда не тронула бы, больше не было рядом. Почему-то ей самой стало не по себе, и хвост боязливо поджался.

Не издав ни звука, собака проводила убегающего человека взглядом. Потом бесшумно поднялась и бросилась в другую сторону.

* * *

От этой поездки невозможно было ждать ничего хорошего. Радость от попытки вернуться в детство всегда обманчива, ведь там все уже не так — другие скамейки, незнакомые деревья... Вроде на своих местах, но как изменились! И пусть кажется, что все те же разнокалиберные сетки паутины зависли между лапами ели, балками старой беседки, но совсем иные воспоминания запугались в них. Чужие...

А в нашем случае никакой радости вообще не могло быть, учитывая, какой груз мы везли с собой. Маленькая шкатулка Вселенской тяжести. И неважно, что мы с Артуром отправлялись к морю, куда я рвалась последние года три. Да нет, больше! У нас с мамой вечно не хватало на это денег, а просить у отца не хотелось обеим, и мы все откладывали, откладывали... Море же не может исчезнуть! Рано или поздно встретимся.

Так мы думали еще вечером накануне того дня, когда мою маму убили.

Недостижимой мечтой море тихонько плескалось в моем воображении, подпитанное картинками из детства: ноги тонут в песке, а волны подкрадываются одна за одной, как хитрые кошки, лижут мои коленки. На солнце вода была зеленоватой, цвета маминых глаз, и только ранним утром — прозрачно-голубой, как мои. Мы впитали море взглядами...

Сколько мне было? Лет семь? Кажется, я уже пошла в школу. Но этого я не помню, только море, его легкое дыхание, как у бунинской Оленьки Мещерской. Шторма́ не запомнились, может, при нас они не случались? Безмятежность, свобода, красота...

Один за другим вырастали кривобокие замки, которые все дети лепят из песка, я в этом ничем не отличалась от других. В ладонях остались покалывание мокрых песчинок и ощущение гордости за соиздание, которым я занималась. Еще рыхлый жгут ароматов остался в запаховой памяти: пронзительная свежесть моря и пряная сладость деревьев. Мне годами хотелось вновь наполнить ими легкие, посевшие от московского воздуха.

— Надышимся, Сашка! Накупаемся до одури! — мама чуть не затискала меня, когда мечта об этой поездке вдруг обрела реальные очертания, потому что в ее жизни появился Артур Логов.

Хоть его и не назовешь богатым человеком, он ведь следователь, а не топ-менеджер энергетической компании, как мой покойный отец, но Артур давно был одинок и не особо умел развлекаться, поэтому у него образовались накопления. Я не спрашивала, конечно, но это подразумевалось.

— Получишь аттестат, быстренько поступишь куда-нибудь, и рванем к морю, — у мамы сияли глаза, когда она говорила об этом.

Мне нравилось, что она не делает из окончания школы и выбора профессии грандиозной проблемы, не хватается за сердце при одной только мысли о ЕГЭ и не таскает домой репетиторов, отдавая последние гроши. И поэтому я тоже к весне не чувствовала себя изнуренной страхом, перегрузками и метаниями, как остальные выпускники. Если я и провалюсь на экзаменах в вуз, никакой катастрофы не случится. От этой мысли мои мышцы расслаблялись, в то время как мои одноклассники были закованы в жесткий корсет стресса.

Может, потому моя психика и выдержала обрушившееся на меня в мае? Своим радостным спокойствием мама напитала и меня, иначе я точно сломалась бы...

Я даже неплохо сдала все выпускные экзамены. Не на сто баллов, конечно, но результат вышел одним из лучших в школе — сама не поверила. Наверняка мама захлебнулась бы от восторга, ведь я была главной гордостью и любовью ее жизни. Только о моих успехах она уже не узнала...

Как не узнала и того, что я даже не попыталась пристроиться в какой-нибудь вуз.

— Забей, — беспечно посоветовал Артур, и я поняла, за что мама так любила его. — Не мотай себе нервы еще больше. В армию не заберут... Если не передумаешь, осенью я возьму тебя к себе помощницей. А к следующему лету уже соберешься с мыслями.

И я с радостью послушалась.

К тому же нам с ним предстояла печальная миссия, и она была важнее выбора будущего, захлебнувшегося маминой кровью, которая выплеснулась прямо из ее сердца на площадку нашего подъезда.

— Не думать! Не думать...

Сутками напролет я сражаюсь с непокорными мыслями, которые так и норовят напомнить о маминей смерти. Впрочем, я о ней и не забываю, ведь все в доме пропитано этой невероятной зеленоглазой женщиной с волосами цвета меда... Тепло ее красивых рук сохранилось в каждой вещице — в огромной сосновой шишке, которую мы привезли еще из прошлой поездки к морю; в расписной глиняной кукле, слепленной в детстве моей старшей сестрой Машкой; в смешном куске монтажной пены, похожем на улитку, который мы с мамой выбрали во дворе... В нашем доме полно всякого барахла, дорожке которого не может быть ничего.

Возле ее кровати на тумбочке до сих пор сидит уродливый ангел, которого я соорудила из картона еще в детском саду. Тогда мы обе верили, что ему под силу защитить мою маму. Иногда я ложусь на мамину постель и смотрю ангелу в глаза:

— Что ж ты...

Но чем виноват картонный малыш, если даже Артур не смог спасти женщину, которую так любил? А он из тех, кого называют настоящими мужчинами.

Артур не бросил меня, когда я осталась одна в целом мире, хотя пожениться они с мамой не успели и Логов не мог считаться моим отчимом. Но и я уже не была ребенком — в начале мая мне исполнилось восемнадцать, и совершеннолетие уравнило меня со всеми взрослыми, на которых я всегда посматривала с недоверием и опаской.

Мне предстояло жить в их мире, по их правилам, и я молилась только о том, чтобы Артуру не осточертело возиться со мной. Если из моей жизни исчезнет еще и он, я просто зависну в вакууме.

Но пока он держится и ничем не выдает того, что я утомила его своим присутствием. Хотя опыт общения с детьми у него начисто отсутствует, а я для него все же ребенок, к тому же и выгляжу лет на двенадцать... Ну, максимум на четырнадцать. Может, к сорока годам он дозрел до отцовства? А я все же не пачкаю пеленки и не плачу ночами. Точнее, он не слышит того, как я плачу в пустой квартире, живет-то он у себя.

— Выезжаем завтра, — объявил Артур утром, заявившись к завтраку с теплыми круассанами — обожаю их!

— В смысле завтра?!

Он аккуратно намазывал круассан маслом:

— А что тебя смущает?

— Надо же собраться...

— Так у тебя целый день на это! Поверь мне, на море ты все равно будешь носить только шорты и майку, ты и здесь-то из них не вылезает... Так что возьми смену, все. Ну, понятное дело, белье, купальник...

— Понятное дело...

Расслышал он язвительные нотки?

Но Артура этим было не задеть, мама нас обоих называла «сибирские язвы», хотя ни он, ни я никакого отношения к Сибири не имели, я даже не была там никогда.

— Ты когда-нибудь был в Сибири?

Артур даже перестал жевать, но хоть не подавился.

— Эх тебя занесло... Был. В Кузбассе, в Томске, в Новосибирске... А что?

— Как ты там оказался?

— По работе, — коротко отозвался он, сосредоточенно глядя в чашку.

ШАГИ В ПУСТОТЕ

Там действительно плавала чайника, просочилась как-то, но ясно, что ему просто не хотелось обсуждать со мной дела. И это меня задело...

— Ты же говорил, что мы теперь напарники!

Он устремил на меня удивленный взгляд:

— Те дела закрыты.

— Будут другие. Осенью ты обещал взять меня помощницей. Я была уверена, что мы вместе будем заниматься расследованиями... Ты отшиваешь меня?!

— Отшиваю? — Артур хохотнул. — Да ладно тебе, Сашка! Тебе всерьез хочется и дальше возиться в кровище?

Неужели он и впрямь не понимает? И мне придется разжевывать очевидное? Стараясь не отводить взгляда и даже не моргать, я проговорила медленно и отчетливо, точно обращалась к умственно отсталому:

— Мне необходимо чем-то занимать голову. Иначе я сойду с ума, потому что не могу думать ни о чем кроме... Ты знаешь.

— Я тоже, — неожиданно признался он, и лицо его дрогнуло, на миг став уродливым. Хотя мне казалось, его невозможно чем-то испортить...

— Тем более. Раз ты меня понимаешь...

Артур посмотрел на меня с надеждой и склонил голову набок, как пес, пытающийся угадать желание хозяина:

— А ты не можешь занять себя чем-то другим? Менее... жутким. Моя работа не из самых веселых, Сашка.

— У меня и жизнь не самая веселая, если ты заметил... Минус на минус дает плюс.

Дернув бровями, он кивнул с серьезным видом:

— А ты заслуженно заработала свои девяносто баллов... Или сколько там?

— По математике девяносто два. По русскому девяносто пять.

— Ну, неважно, — прервал он с беззаботностью, напомнившей мне мамину.

Все в мире напоминало мне о ней.

— Башка у тебя варит, — задумчиво проговорил он и вновь набил рот круассаном.

Я свой уже доела — ничто не может отбить мне аппетит, хотя во мне сорок пять кило... Теперь я просто потягивала чай, наблюдая за Артуром поверх чашки. Мой взгляд отвлекал его и от размышлений, и от еды, и легче было ответить мне поскорее, чем тянуть эту вольнку.

— Куда от тебя денешься, — буркнул он в итоге. — Будем работать, напарник! Но сначала — море.

И улыбнулся во весь рот. Иногда мне становится понятно, почему мама не устояла перед его улыбкой... Но это ничего не значит.

Самой значимой на сегодня для меня стала попытка понять: есть ли действительно что-нибудь *там*... Мы основываемся только на вере, и мне хочется думать, что мама со всеми ее фантазиями, мыслями, смехом и беспредельной любовью не исчезла без остатка — иначе зачем вообще она была? Зачем существую я? К чему это? Сейчас я размышляю, на что-то надеюсь, о чем-то мечтаю, и все это бессмысленно, раз будет стерто с лица Земли?

Мы все (ну почти все!) верим, что нет... Но вдруг человечество поколение за поколением обманывается — из страха перед смертью, от бессильного отчаяния, которое охватывает, стоит лишь на мгновение допустить мысль о конечности нашего существования? Если бы можно было *знать*! Навер-

няка. Не просто надеяться, но иметь уверенность, которая освободила бы от этого животного ужаса, подкрадывающегося ночами...

В такие минуты я шепчу:

— Пожалуйста, подай мне знак, что жизнь продолжается после смерти и я не пропаду бесследно... Пожалуйста!

Не знаю точно, к кому я обращаюсь — к Богу или к маме...

Только никто не откликается. Никаких сигналов из запределья не приходит. И остается каждое утро накрепко сшивать обрывки веры, чтобы достало силы жить.

А следующей ночью опять:

— Пожалуйста! Ты слышишь меня?

* * *

Сашка еще не знала, почему Артур вдруг так заторопился с отъездом. В полдень, когда он дописывал отчет по очередному раскрытому убийству, на его мобильный позвонили.

— Юрка?! — поразился он. — Вот уж сколько лет, сколько зим... Ты дома, в Москве?

— Я дома. В Крыму, — ответил тот. — Я тут уже почти двадцать лет живу.

Голос в трубке звучал слишком напряженно для легкой болтовни. Да и неожиданность звонка настояраживала. Не мог Юрка Колесниченко позвонить просто так после стольких лет молчания. Как его номер-то остался в телефонной книжке?

— Ну да, ну да. Я в курсе. Что-то случилось? — Артур решил не разыгрывать комедию, они же знают друг друга как облупленных — в детсаду на горшках рядом сидели.

Юра тоже не стал увиливать:

— Случилось, Артур. Пашка пропал.

Артур привычным жестом раскрыл блокнот, выцепил из стаканчика заточенный карандаш — ими его снабжала милая девушка из канцелярии. Думать, будто она рассчитывает на что-то, ему не хотелось.

— Когда ты с ним связывался в последний раз? Видел или созванивался?

— Сразу быка за рога, — пробормотал Колесниченко.

Артур нетерпеливо постучал карандашом по блокноту:

— А ты собирался за жизнь потрепаться?

— Нет. С неделю назад виделись... Теперь прокливаю себя, что не уследил!

Пашка был его младшим братом. Из-за того, что их разделяло всего три года, он все время крутился рядом с ними. К средним классам Пашка уже прочно вошел в их компанию и стал общей головной болью, потому что постоянно влипал в разные неприятности. Мальшом он то и дело терялся: однажды, засмотревшись, ушел следом за духовым оркестром во время городского праздника. Ротик приоткрыт, глаза сияют!

Его прозвали Колесом не столько по фамилии Колесниченко, сколько из-за того, что он постоянно норовил укатиться куда-то... Однажды Пашку привезли домой с хладокомбината: ему жизненно необходимо было увидеть, как делают мороженое, и начать производство в домашних условиях. Очень уж он любил его, а деньги их мама, тетя Тамара, выделяла редко. У самой вечно было в обрез...

Лет в десять его сняли с самолета — Пашка намеревался улететь в Африку, чтобы стать диверсантом и срывать сафари: ему до слез было жалко львов

и слонов. Им всем было жалко, но только Пашка попытался предпринять что-то, и Артур тогда долго не мог спать спокойно: малой решился, а ему даже в голову не пришло... Он понимал, что у Пашки ничего не вышло бы, но дело ведь было не в этом.

Подсознательно Артур ждал этого тревожного звонка от Юрки всю жизнь — рано или поздно Пашка должен был влипнуть по-крупному.

— погоди паниковать, — попытался успокоить он. — Это ж Пашка... Его унесло куда-нибудь на Байконур, а ты с ума сходишь.

В недолгом молчании легко было расслышать сомнения. Но Юра ответил:

— Ты давно его не видел, он очень изменился. У него же семья...

— Ну да, не побезумствуешь, — поддержал Артур, а про себя подумал: «Но тот бешеный Пашка не мог исчезнуть бесследно...»

— Ты в каком месте в Крыму? — уточнил он.

— В Евпатории.

У Логова вырвалось:

— Почему?

— А что не так?

— Не знаю... Детский курорт. Я был уверен, что ты в каком-то серьезном городе. В Севастополе, например...

— А я в Евпатории, — в голосе Юрия зазвучали упрямые нотки — он готов был отстаивать свой выбор. — Моим детям здесь хорошо.

За спиной кто-то удивленно чирикнул. Артур быстро повернулся на стуле: на открытом окне сидела маленькая пичуга. Посмотрев ему в глаза, она задорно дернула хвостиком, еще раз пискнула и взвилась в небо. Оно было одинаково высоким везде.

— Что ж, — сказал он в трубку. — Евпатория так Евпатория.

Море там было таким же глубоким...

Поэтому он и велел Сашке собраться за день — друг детства пропал. Подстегивать ее не пришлось, не на север же едут! К тому же и до того планировали, звонок из Крыма только ускорил их сборы.

Машинально кидая в чемодан вещи, Артур мысленно вырисовывал картину: Пашка исчез второго июля. Он бросил взгляд на календарь — уже четвертое! Что-то не сразу Пашкина жена забеспокоилась... Юрке она сказала, что с утра Пашка еще был с нею, они вместе ходили к нотариусу. Потом она уехала на работу, а Павел якобы отправился домой. Больше Светлана его не видела.

Юрке она позвонила уже в полночь — ждала до последнего, хотя Пашкин телефон молчал весь день. Но Светлана решила, что разрядился, такое случилось множество раз, с годами Пашка не стал взрослее и редко заботился о таких мелочах.

— Что они делали у нотариуса?

Юрка ответил не очень уверенно:

— У Светы мать недавно умерла. Там с наследством что-то...

— Дело не в деньгах?

— Думаешь, Пашка мог ограбить семью?! Да ты, похоже, совсем забыл его.

— Я вспомню, — пообещал Артур.

А сам подумал: «Некоторые люди меняются больше, чем нам хотелось бы. Тот Пашка, которого я знал, мог разве что бублик в магазине спереть... И то больше ради острых ощущений. А сейчас какой он, кто знает?»

В последний раз забежав перед отъездом в любимую кофейню, Артур не стал брать на вынос, как делал всегда, а уселся за столик. За окном покачивались растопыренные пятерни клена, уже здоровенные, но еще не пожухшие от зноя. Начало июля. Больше месяца без Оксаны... Он торопливо отогнал мысль о ней: вспоминать ее с тихой благодарностью еще не получалось, каждый раз хотелось взвыть от тоски и ярости, которая ничуть не утихла, когда он поймал убийцу.

Заставив себя думать о Пашке, он вообразил его забавную физиономию с большим ртом, который вечно улыбался, и шальным взглядом: «Что бы еще такого натворить?» С Юркой они росли абсолютно разными, даже глаза у старшего брата были другими — серьезными, чуть усталыми. Может, как раз из-за того, что все его детство было под завязку наполнено заботами о малыше?

«Что ты опять натворил, Пашка? — кофе сегодня показался особенно горьким. — Все куролесишь... А нам за тебя расхлебывать?»

Артур взглянул на часы: Сашку он разбудил час назад, она уже должна была собраться. Она пыталась поныть, мол, какого черта выезжать в такую рань?! Пришлось пресечь:

— В машине доспишь.

Логов не любил строжить ее и даже не считал себя вправе, все же он ей не настоящий отец, но были ситуации, когда приходилось настаивать на своем. Ему нужно было добраться до Евпатории как можно скорее, но о самолете Артур и слышать не хотел: без машины в Крыму делать нечего, а чужие он не любил, поэтому сразу отмел Сашкино предложение взять напрокат.

Так что в путь они отправлялись на его любимой «Ауди», которую он без стеснения всегда оставлял прямо у Сашкиного подъезда. Что скажут люди? Вот уж это Артура Логова никогда особо не заботило. Когда ты рождаешься с таким лицом, от которого только через силу можно оторвать взгляд, то шепот за спиной становится твоим шлейфом и тянется через всю жизнь. И никто не верит, что сам ты смотришься в зеркало только в тех случаях, когда бреешься, и меньше всего заботишься о том, как уложены волосы.

С юности ему приписывали невероятные романы: уже в девятом классе с молодой учительницей физики, которая, кажется, и впрямь смотрела на Артура чаще, чем на других...

— От тебя ж не убудет, а человеку приятно, — философски рассуждал по этому поводу его приятель Борька Сорокин.

Потом шептались, что в Логова влюбилась аж декан факультета — лютая с остальными студентами дама, которая жалела его, мальчика, потерявшего родителей, совсем по-матерински. И Артур твердо знал: у декана нет никакой задней мысли, когда она подсовывает ему пакетик с бутербродами. Или закрывает глаза на то, что Логов опять проспал первую пару.

Сострадание не имеет с похотью ничего общего... Хотя по работе ему встречался один старый подонок, который слишком уж жалел соседского мальчика: его родители пили по-черному. Он то подкармливал малыша, то укладывал к себе в постель.

— Да я ж порадовать его хотел, — оправдывался он на допросе. — Приласкать малость... Он же с этой алкашной никакой радости не видел.

Вот только однажды мальчик начал отбиваться... Может, просто подрос и понял, что творит с ним добрый дедушка? Или просветил кто-нибудь в подворотне... Пацан ударил соседа и начал кричать.

— Пришлось малость придушить его, а то весь дом переполошил бы, — оправдывался убийца, демонстрируя искреннее непонимание, в чем его вина.

Ребенка нашли только через неделю на пустыре, обглоданного бродячими псами. Патологоанатом обнаружил следы многократного сексуального насилия, а пацан из двора вспомнил, как погибший сболтнул, что сосед жалеет его. И только мать с отцом ничего не замечали...

Но юность Артура была свободна от таких упырей, если его и жалели, то искренне.

«Надо бы заглянуть к ней, поведать, — подумал Артур о бывшем декане, уже садясь в машину. — Если она еще не на пенсии... Как же ее зовут?»

У него было время вспомнить, пока он добирался от своего дома на Большой Черкизовской до Сашкиного на Сельскохозяйственной. Раньше Артур называл этот дом Оксаниным, теперь приходилось переучиваться, чтобы не увязнуть в прошлом на годы, а риск был — он это чувствовал. Выбираться в реальную жизнь нужно было очень аккуратно, неспешно, не делая резких движений, чтобы не порушить башню, воздвигнутую из воспоминаний.

И Сашку он не торопил: пусть остается в той же квартире среди Оксаниных вещей, раз ей так спокойнее. Только бы самообман не затянулся на всю оставшуюся жизнь... Вокруг было полно людей, живущих воспоминаниями. Артур видел их чуть ли не каждый день: грустное зрелище. Такого он Сашке

не желал. Потому и рвался скорее увезти ее на море, наивно веря в его чудодейственную силу.

Старушки у подъезда затихали, когда Артур выходил из машины, и он втайне даже ликовал из-за того, что опять подбросил им пищу для сплетен. Пусть развлекаются, раз больше нечем скрасить свои унылые будни, повод-то какой: этот красавчик следователь сначала к матери ездил, теперь к дочке... Объяснять, что Саша Каверина как была, так и осталась для него дочкой, Логов считал унижительным. Плевать!

Главное — это отвезти Сашку к морю... Оно зализает, залечит раны, оставив тонкие шрамы, которые не исчезнут, конечно, но с ними уже можно жить. Ведь сам Артур как-то справился, не позволил черной трясине тоски поглотить себя. А был он чуть старше Сашки, когда его родители разбились в одной машине... Многие потом удивлялись, что Логов не боится сесть за руль и водит — не сказать чтоб уж очень осторожно. Довольно лихо...

Сашка ничем не выказала страха перед путешествием в Крым на машине. Правда, в первый момент удивилась:

— Не на самолете?

Но тут же пришла в восторг, запрыгала по комнате как маленькая.

— Вот это, я понимаю, приключение!

Его сердце от радости сбивалось с ритма, когда Сашка хоть ненадолго забывала о сиротстве и вновь превращалась в ту девчонку в домашних зеленых шортах и желтой майке, которую он звал: «Тот еще фрукт!»

— Ты же хорошо переносишь машину?

Артур уточнил на всякий случай. Вроде Сашку никогда не тошнило, но он и не возил ее далеко...